

Чужая родня

В последние годы в России заметно возросло число людей, усыновляющих или берущих под опеку сирот. В связи с этим проблемы воспитания приемных детей становятся для многих наших сограждан уже не далекой абстракцией или предметом сугубо профессионального изучения, а вопросом, максимально приближенным к их повседневной жизни. Если уж со своими детьми сейчас не так-то легко управиться, то что говорить о чужих, да еще с нелегкой судьбой, а зачастую и с отягченной наследственностью. Тут особенно важна помощь специалистов, причем не новоиспеченных, подготовленных по западным методикам и нередко связанных с сектами, а высококвалифицированных детских психиатров и клинических психологов. Доктор медицинских наук, профессор Галина Вячеславовна Козловская и ее сотрудники на протяжении нескольких десятков лет занимаются изучением особенностей детей-сирот и оказывают им эффективную помощь. Поэтому я обратилась к Галине Вячеславовне с просьбой об интервью.

– Проблема сиротства существует, наверное, столько же тысячелетий, сколько существует человечество, и всегда воспринималась и воспринимается как большое несчастье. Всем нормальным людям, естественно, хочется утешить сироту, хочется, чтобы такой ребенок получил хоть какое-то вознаграждение за свою несчастную жизнь. Причем это не просто несчастье, не просто обездоленность. Утрата родителей – настоящая трагедия. Сиротство связано с фактически непреодолимой жизненной ситуацией. Как бы ни были хороши приемные родители, они не могут заменить ребенку родных. Это надо отчетливо понимать. Если уж дерево, привезенное из одних климатических условий в другие и пересаженное в иную, пусть даже более плодородную почву, развивается не так гармонично, как в родной земле, что говорить о человеке?!

Только очень невнимательные и нечуткие люди не видят в данном отношении проблем. Сирота, даже попав в прекрасные условия, где его опекают, любят, стараются порадовать, всё равно имеет незаживающую рану, и она остается в его сознании и подсознании навсегда. Есть много литературы, в том числе научной, в которой отмечается, что дети, оставшиеся без попечения родителей, имеют ряд характерных, сходных между собой отклонений в развитии.

– **Что имеется в виду?**

– Это всегда – я хочу особо подчеркнуть: ВСЕГДА! – дисгармоничное развитие личности. Что вполне понятно, ибо исходная ситуация глубоко травматична, лишена самого необходимого фактора для развития гармоничной личности – теснейшей связи кровного родства, которая устанавливается между младенцем и его родителями. Так называемая детско-родительская система или система «мать – дитя» разрушается. А если речь идет о детях-отказниках, оставленных матерями в роддоме, то такая система и не успевает создаться. Искусственно ее создать можно, но это будет эрзац. Замечательный чешский ученый Зденек Матейчек написал целую монографию, в которой привел обширнейший литературный обзор о судьбе сирот. В частности, там приводится притча. Один из древних властителей мира решил узнать праязык. Для этого он выбрал здоровых младенцев, приставил к ним няnek, создал идеальные условия, но велел ухаживающему персоналу ни в коем случае не разговаривать даже друг с другом.

– **Для чего?**

– Он рассчитывал, что тогда дети заговорят на каком-то своем языке, который и окажется языком общения наших далеких предков. Однако ничего подобного не произошло. Дети ни на каком языке не заговорили. Они все умерли, не выйдя из младенческого возраста. Оказывается, без общения с людьми – в первую очередь, с матерью, без эмоциональной стимуляции в виде ласковых слов и междометий, прибауток, потешек, улыбок и тому подобных проявлений эмоционального контакта, по которым дети понимают, что они любимы, ребенок не может развиваться. У него пропадает желание жить, и он умирает. Тем же автором в соавторстве с Йозефом Лангмейером собран огромный фактический материал. Они обследовали множество детей, лишенных материнского попечения, и подчеркивают, что все эти дети имеют изменения в своей психической организации, которые остаются на всю жизнь. Мы в своей лаборатории тоже провели такое обследование. Наша коллега Марина Овсеевна Проселкова на протяжении многих лет ведет наблюдение за детьми-сиротами, воспитывающимися в домах ребенка, то есть находящимися без внимания матери с первых дней своей жизни. Среди них есть истинные сироты, родители которых погибли, и есть отказники. Надо сказать, что и в позднее советское время, и сейчас для сирот стараются создавать хорошие условия. В тех детских домах, где ведут наблюдения наши коллеги,

детей хорошо кормят, одевают, снабжают игрушками, даже стараются выделить для каждого какое-то личное пространство, которое он может оформить по своему вкусу. Но, тем не менее, факт остается фактом: все эти дети развивались не просто с особенностями, а с отклонениями.

– С какими именно?

– Ребенок, оставшийся без родителей, будучи оторванным от природной среды, претерпевает период адаптации. Адаптация эта сопровождается депрессией. Кому-то может показаться странным, но младенческая или ранняя детская депрессия имеет признаки, типичные для депрессии взрослых. Это двигательная заторможенность, отсутствие интереса к окружающему миру, плаксивость, причем особая. При депрессии у детей бывает тихий, молчаливый плач, производящий очень тягостное впечатление. Обычный ребенок кричит, чем порой раздражает взрослых, которые ожидали от него развлечения, как от игрушки, а тут «игрушка» неожиданно предъявляет требования и заявляет о себе как о самостоятельном существе! Крик такого ребенка, как правило, громкий, звонкий, настойчивый, направленный на привлечение внимания родных. Сироты же в детских домах не кричат. Они плачут тихо и горестно, потому что очень рано усвоили: никого они слезами не привлекут. Это глубокое душевное страдание, которые малютки испытывают с самого раннего возраста. Известный немецко-американский психолог Эрих Линдемманн еще в 40-е годы XX века назвал это «реакцией горя».

– Неужели младенец до года может испытывать такие взрослые чувства?

– Представьте себе, да! И поскольку реакция горя у сирот не встречает адекватной ответной реакции окружающего мира, то она, во-первых, затягивается, а во-вторых, переходит на соматический уровень. У ребенка возникает множество соматических проблем. Например, простудные заболевания длятся очень долго. Дети-сироты часто страдают хроническим насморком и кашлем. Для того чтобы уберечь их от различных инфекций, им делают большое количество профилактических прививок. Однако прививки тоже оставляют негативный след, поскольку не только защищают, но и истощают иммунную систему организма. Поэтому соматическая несостоятельность продолжается в виде слабости, быстрой утомляемости, повышенной раздражительности и эмоциональной неустойчивости, которые продолжаются и много лет спустя после выхода ребенка из младенческого возраста. На фоне депрессии и отсутствия поддержки и сочувствия со стороны окружающего мира возникает другая стадия, когда ребенок начинает сам себя тонизировать.

– В чем это выражается?

– В двигательной расторможенности, когда ребенок может часами совершать какие-то напрасные, нецеленаправленные движения: бесконечно прыгать в ходунках или, встав на четвереньки, раскачиваться взад и вперед. Затем у него пропадает любознательность. У человека есть такой интересный инстинкт – желание знать. Это очень важное качество, способствующее развитию личности. Здоровые дети активнейшим образом познают окружающий мир. В доречевом периоде любознательность проявляется в виде того, что они смотрят по сторонам, интересуются всем, что попадает в поле их зрения, открывают ящики, вытаскивают содержимое, могут что-то поломать, чтобы заглянуть внутрь. Когда они овладевают речью, любознательность проявляется в виде постоянных вопросов. Но развитие любознательности возможно, когда она встречает ответную реакцию. А если должной реакции нет, то любознательность замирает. Причем у сирот в состоянии депрессии любознательности нет до такой степени, что даже если расставить перед ними, когда они раскачиваются взад и вперед на четвереньках, яркие игрушки, они не обратят на них внимания. У депривированных сирот развиваются так называемые псевдослепота и псевдоглухота, когда они не откликаются на зов. Такой ребенок долго не называет себя по имени, долго не выделяет себя из окружающего мира, не употребляет личное местоимение «я». И о себе, и о других он говорит в третьем лице: «Он пошел». Это очень серьезные нарушения, проявления нажитого аутизма (парааутизма), значительно замедляющего психическое развитие. А самую главную проблему составляет нарушение эмоциональности. У ребенка в возрасте двух-четырех месяцев развивается «феномен привязанности», как говорят на Западе, или, в нашей терминологии, «эмоциональный резонанс» – умение понимать и откликаться на эмоциональный настрой окружающего мира.

– «Плакать с плачущими и радоваться с радующимися», по словам апостола Павла?

– Совершенно верно. А у депривированных детей не развивается адекватной откликаемости. Даже наоборот! Поскольку с окружающими нет полноценного общения, то отсутствует и общение эмоциональное. В результате возникает эмоциональная уплощенность, на фоне которой постепенно вырабатывается раздражительность против окружающего мира, который не отвечает требованиям детского организма, детской психики, инстинктов, генетической памяти. Дело не только и не столько в особенностях того или иного ребенка. Всё гораздо серьезней: видимо, существует некий модуль, матрица развития, а в данном случае она не имеет соответствующей реализации, и развивается раздражительность. Конечно, в определенной степени эта раздражительность подавляется окружающим миром, но со временем реакции раздражительности проявляются всё больше и больше. Ребенок повышенно конфликтен в школе, агрессивен, драчлив. Причем особенно это расцветает, когда он получает некую индивидуальную свободу. Например, в ситуации усыновления.

– То есть он получает возможность расслабиться, и до поры подавленные эмоции выплескиваются наружу?

– Да. Когда ребенок усыновлен в раннем младенчестве, это проявляется в меньшей степени. Когда же усыновление происходит в более взрослом дошкольном или школьном возрасте, он становится в семье особенно трудным. Начать хотя бы с того, что он не понимает требований, которые предъявляет ему семья. Он жил совсем в другом режиме. Он не понимает и часто не хочет понимать, что у всех членов семьи есть какие-то обязанности. Он привык, что его в детдоме обслуживают, трудиться не заставляют. Для него выполнение домашних обязанностей становится обузой, и, естественно, возникает протест, причем порой в очень грубой, вульгаризированной форме. Некоторые приемные родители жаловались, что ребенок в знак протеста испражнялся на ковер, мочился в пакет с сахаром и вытворял другие подобные безобразия.

– Да... Это, полагаю, совершенно не вязалось с традиционным трогательным образом несчастного маленького сиротки...

– Видите ли, люди, усыновляющие детей, их часто не понимают. Покупая подарки и сладости, готовя вкусную еду и устраивая развлечения, они рассчитывают на ответную благодарность. Может, они прямо так не говорят, но внутренне чувствуют, что они совершили благородный поступок. Поэтому они, естественно, ждут отдачи, а ее нет, потому что ребенок этих взрослых чувств не понимает, да и потом необязательно поймет. На упреки он скажет: «А я не просил меня усыновлять! Ты вообще мне не родная!» Наоборот, вместо признательности у него может возникать сильный протест против усыновителя. А если в семье есть другой ребенок, то могут вспыхнуть жгучая ревность, буквально ненависть к тому ребенку. К сожалению, такое встречается достаточно часто.

– Почему?

– Это проявление тех негативных последствий, которые уже сформировало сиротство. Даже у обычного ребенка, воспитанного в семье, далеко не сразу появляются готовность к компромиссу, умение понять и простить, считаться с нуждами других людей, далеко не сразу возникает чувство долга. Это требует значительного жизненного опыта и определенной душевной зрелости. У правильно воспитанного ребенка к пубертатному возрасту постепенно формируются понятие чести, за которую он готов постоять, и чувство долга не только перед своей семьей, но и перед коллективом, обществом, перед самим собой. Он начинает осознавать, что есть гораздо более высокие понятия, нежели его «хочу». Когда же психическое развитие искажается, когда у ребенка не сформирована привязанность к близким, то в основе личности лежит желание удовольствий, гедонизм. Именно это мы и наблюдаем у многих детей-сирот, переживших депрессию, параутизм, двигательную расторможенность, эмоциональную уплощенность. У них возникает непроизвольное чувство отторжения окружающей действительности, проявляются негативизм, протестные реакции и желание достичь удовольствия любыми способами. Вот почему, повзрослев, они часто становятся легкой добычей криминального мира и девиантных личностей. Этому способствуют как жажда удовольствий, так и отсутствие настоящей взрослости, самостоятельности, зрелости, терпения, чувства долга, умения находить правильные решения и следовать им. Они по своему простодушию и инфантильности часто попадают на удочку мошенников, которые отбирают у них жилплощадь. Сироты легко вовлекаются в воровство и проституцию, поскольку это сулит деньги, необходимые для достижения сиюминутных удовольствий. Всё вышперечисленное говорит о том, что сиротское состояние, начавшись в младенческом возрасте, постепенно формирует личность дефицитарную, ущербную. В ней нет

настоящей эмоциональной тонкости, теплоты, способности к компромиссу – всего того, что необходимо для поддержания устойчивых дружеских связей, создания и сохранения семьи. Когда не запускается «механизм» привязанности, она не формируется и в дальнейшем. Если она и будет существовать, то лишь в редуцированном виде. На уровне сознания человек вполне может понимать, что «так надо строить отношения». Но внутри это отклика не найдет. А если внутреннего отклика нет, если он душой не прикипает к людям, то, значит, можно при удобном случае отойти от них в сторону и общаться с тем, с кем в данный момент удобней, приятней, выгодней. Тем более что гедонистические установки несовместимы с готовностью к самопожертвованию. А без такой готовности ни настоящая дружба, ни любовь не возможны.

– Жутковатая картина... Неужели всё так фатально?

– Нет. Поскольку девиация личности носит в данном случае нажитой характер, то есть не основывается на глубинных биологических дефектах, то она, естественно, обратима. Если создать благоприятные условия, то многое может быть скорректировано. Многие, но не всё. Полного выравнивания личности не происходит.

– А какие условия благоприятны для гармонизации?

– Хорошо, когда ребенок усыновляется, но при этом попадает в здоровый коллектив. Беря на воспитание сироту, родители обычно надеются на свой авторитет, но это ошибочная надежда. Для такого ребенка авторитетным, скорее, станет кто-то со стороны. И авторитет должен быть не давящим, не узурпирующим свободу личности, а воздействующим на ее разумное начало, когда ребенок сам выбирает тот путь, который ему подсказывают взрослые, и несет ответственность за свои промахи и ошибки. Поэтому лучше, когда родительский авторитет подкрепляется мнением коллектива. Тогда компенсаторные механизмы дефицитарной личности настолько активизируются, что нередко возникает гиперкомпенсация. Асоциальная личность, лишенная чувства долга, ответственности, а порой и элементарной стыдливости, постепенно превращается в свою полную противоположность. Она не просто привыкает придерживаться правил, установленных в сообществе, но выполняет их неукоснительно.

– Становится этакой строгой дуэньей, старостой с «комплексом отличницы»?

– Да. Причем, какие-то глубинные особенности всё равно остаются. Такая личность ригидна, по-прежнему мало способна к компромиссам. Но то, что она уже направлена к добру, нацелена на соблюдение морально-этических норм, то, что для нее теперь во главе угла не удовольствия, а некие более высокие ценности, это великое благо.

– Но ведь такие дефицитарные личности встречаются не только среди сирот. Описанные вами признаки характерны для многих современных детей и подростков, рожденных и растущих в кровных семьях.

– Да, поскольку сиротские условия необязательно возникают при истинном сиротстве. Материнская, семейная, родительская депривация, то есть лишение ребенка необходимых ему эмоциональной поддержки и тепла, бывает и в родных семьях. Типичный пример – бизнес-леди, которой некогда заниматься ребенком, и она передоверяет его няням, которые часто меняются, как перчатки. В результате механизм привязанности тоже не формируется. Возникает феномен сиротства. Причем он выражен еще ярче, нежели в детском доме, потому что там все-таки существует некий каркас правил, иначе персоналу с таким количеством неуправляемых детей не справиться. Вообще сейчас очень многие дети недополучают родительского тепла, то есть фактически тоже становятся брошенными. Поэтому социальное сиротство в широком смысле слова – большая проблема, ведь эти дети скоро вырастут, и мы получим – да и уже получаем! – огромное количество асоциальных элементов.

– Но ведь и раньше, особенно после каких-то катаклизмов, войн и тому подобного, появлялось много сирот. Да и жизнь простых людей, составляющих большинство родителей, всегда была тяжела, им некогда было уделять много времени детям. Но асоциальность не становилась такой распространенной, как сейчас. В чем дело?

– Потому что установки общества были другими. Оно не нацеливало своих членов на гедонизм, не осмеивало и не принижало высокие смыслы, не пропагандировало деструктивную масс-культуру. Иными словами, влияние коллектива на ребенка было со знаком плюс. А как я уже говорила, если коллектив берется за коррекцию сиротской личности, то она быстро выравнивается, поскольку изначально не была дефектной. Кроме того, дети, осиротевшие после войн или революции, были все-таки в основном рождены в семьях. Матери и отцы их ждали и любили, они успели получить какой-то заряд родительской любви, их раннее развитие протекало относительно гармонично. А ведь у нас, как утверждает современная наука, именно на первом году жизни закладываются все наши основные качества. Поэтому дети, попавшие в условия беспризорности после революции или после Великой Отечественной войны, были достаточно хорошо сформированы. Они были более ответственными и взрослыми не только по сравнению с нынешними сиротами, но и с современными детьми из благополучных семей. Посмотрите, что сейчас происходит в школе. Родители чуть ли не до последнего класса готовят вместе с детьми уроки, водят их за руку, как маленьких. Сравните это с тем, что описано в книгах Гайдара, в «Республике Шкид» или в «Педагогической поэме». Это же не фантазии, а реальность. Воспитанники Макаренко превратились в замечательных социально значимых личностей, стали военными, авиаторами, учеными, художниками, героями-орденоносцами. В этом, конечно, очень важную роль сыграл коллектив, в котором они находились. Педагоги-энтузиасты привили им стремление самоотверженно служить обществу. А, с другой стороны, огромное значение имело их раннее детство. Если оно проходит в окружении родных, то впоследствии внешняя сиротская среда уже меньше влияет на искажение личности.

– Мы говорили про детей, оставленных в младенчестве. Но ведь немало сирот, изъятых из семей позже, в дошкольном или школьном возрасте, и отправленных в детский дом, а затем, в каких-то случаях, на усыновление.

– А почему их изымают?

– Потому что семья неблагополучная. В каких-то случаях это может быть действительно так: родители-наркоманы или совершенно спившиеся алкоголики. А в каких-то обвинения надуманы. Такие истории начали происходить в России, когда здесь пошло внедрение ювенальной юстиции западного образца.

– Изъятие детей из семьи – отрицательная практика. Вообще, что значит «семейное неблагополучие»? Семья, много работающая, тоже может быть признана неблагополучной. Скажем, после войны практически все семьи очень много работали, чтобы прокормить детей, но это не было поводом для объявления семьи неблагополучной и тем более для изъятия детей. Разлучение с кровной семьей – огромная, неизгладимая психическая травма. Проводя исследование психических особенностей детей-сирот, мы много беседовали с ними. Выяснилось, что даже дети пубертатного возраста, проводившие в детдоме практически всю жизнь, страстно мечтают, чтобы родители нашлись. Что тогда говорить о детях, имевших пусть не идеальную, но всё же семью и насильно с ней разлученных?

– И все-таки мне не совсем понятно, почему сироты, будучи усыновлены, вдруг начинают проявлять протестные реакции. Они ведь так мечтали обрести семью! Это что, выражение какого-то разочарования?

– Вероятно, да. А, может, тут сходство с восточной сказкой про джинна, запертого в кувшине. Прожив там первую тысячу лет, он пообещал озолотить своего освободителя. Прожив вторую тысячу лет, он пообещал подарить ему мир. А потом, поскольку освобождение всё не наступало, джинн разозлился и сказал, что убьет того, кто выпустит его из кувшина. Конечно, не все усыновленные дети проявляют неблагодарность по отношению к усыновителям. Но в любом случае усыновителям лучше не ожидать от ребенка желания идти у взрослых на поводу и проявлять готовность к сотрудничеству. Современные сироты, как правило, не умеют этого делать, их нужно учить.

– Как усыновителям строить отношения с усыновленным ребенком, чтобы избежать протестных реакций или хотя бы их минимизировать? И вообще, как преодолеть эти трудности? Ведь не секрет, что немало людей, взявших сирот на воспитание и имевших самые добрые намерения, не выдерживают обрушившихся на них трудностей и сдают их обратно. А для детей это дополнительная травма, они еще больше разочаровываются и ожесточаются.

– Лозунг «Россия без сирот», поддержанный нашим Президентом, конечно, и актуален, и благороден, социально возвышен. Но реализация этого устремления началась, с моей точки зрения, слишком торопливо и непродуманно. Принялись закрывать детские дома. Это неправильно. Так же, как неправильно облегчать процедуру усыновления для всех желающих. Кроме того, много вопросов вызывает щедрое материальное вознаграждение приемных родителей. Это способствует возникновению в обществе рентных установок по отношению к сиротам. Они превращаются в товар, который можно взять, получить за него от государства соответствующую мзду, а там – хоть трава не расти. А как же личность ребенка? Это очень серьезный вопрос. С нашей, исследовательской точки зрения, необходимо придерживаться несколько иной стратегии, предусматривая возможность смягчения ситуации для ребенка, у которого возникает стойкий протест против усыновителей.

– В чем состоит эта стратегия?

– Во-первых, ребенка надо подготовить к усыновлению. Недопустимо, как это часто бывает, чтобы он почти не был знаком с будущими родителями. Он должен к ним привыкнуть заранее. Во-вторых, следует тщательно проверять семью на лояльность: не берут ли детей криминальные личности, преследующие садистические, сексуальные или еще какие-то преступные цели. По информации, поступающей из США и Европы, мы видим, что такое вполне возможно. Да и у нас уже вскрывались случаи, когда приемные родители превращали детей в батраков или втягивали в криминальную деятельность. В-третьих, ребенок, которого усыновляют в возрасте пяти-шести лет и старше, должен иметь право выбора. Он должен попробовать, понравится ли ему жить в семье. А, может, он уже привык к режиму жизни в детдоме, очень близком к санаторному, где для него всё готовят, на стол ставят, а он лишь выполняет какие-то очень небольшие образовательные функции. Да и с учебной-то его особо не напрягают, за плохие оценки не ущемляют. То есть он привык к очень щадящему режиму жизни, и не исключено, что ему не захочется с этим расставаться. Да, у него есть мечта обрести семью. Но мечта эта потребует от него определенных компромиссов. Поэтому ребенок должен проверить, что для него важнее. И родителям необходимо проверить, действительно ли они хотят воспитывать приемного ребенка, смогут ли справиться с трудной задачей воспитания сиротской личности, порой искалеченной даже до рождения, когда младенца зачали неизвестно от кого, в пьяном или наркотическом угаре, а потом выбросили на помойку.

– Как установлено, младенец в утробе слышит, что происходит вокруг, и многое понимает...

– Да. Поэтому такой ребенок оскорблен обществом, уязвлен до глубины души. И, естественно, попав в семью, он будет присматриваться, будет провоцировать новых родителей, проверяя их чувства. Причем, в отличие от взрослых, он, в силу возраста и своих особенностей, будет проявлять бескомпромиссность, неумение приспособливаться. Так что главный совет усыновителям – это запастись огромным терпением и иметь очень сильное желание помочь обездоленным детям.

– А что насчет требований?

– Требования должны быть обязательно, но без насилия, как в некоторых американских методиках типа «терапии привязанности» (Attachment Therapy), когда из ребенка буквально душу вытрясают. Требования должны нарастать постепенно и иметь под собой разумную основу. Но самое главное: у ребенка должен быть люфт. Не понравилось – ушел обратно в детский дом. Пусть он даже какое-то время ходит то туда то сюда, притерпеваясь к новой семье. А родителям следует регулярно консультироваться с психологами, знающими особенности детей-сирот, и врачами, потому что часто эти дети имеют девиации медицинского характера и нуждаются в помощи психотерапевта. Все вопросы следует разрешать совместно, иначе можно наделать много непоправимых ошибок. Совсем недавно у нас на приеме была такая семья.

– Пожалуйста, расскажите подробней.

– Они взяли ребенка шести или семилетнего возраста в свою многодетную семью. Мальчик необыкновенно красив внешне: светлые волосики, голубые глаза... Сначала он вел себя, как зверек: приглядывался, изучал обстановку. Потом стал мучить животных и малышей. Исподтишка, когда никто не видел. Его стали наказывать, ставя в пример других детей, которые так себя не ведут. Он еще больше озлобился. Потом произошел такой случай. Сделали очень красивые ворота. Такие, что люди даже приходили ими полюбоваться. Он взял топор – и изуродовал их. В огороде выросла чудесная капуста, за которой ухаживала вся эта дружная семья. А он взял нож – и капусту изрезал. Потом стал бегать с ножом

за детьми, угрожая их убить. Когда его положили на обследование в психиатрическую больницу, он там вел себя просто идеально, и врачи принялись обвинять родителей, что они наговаривают на чудесного мальчика. В конце концов семья вынуждена была отказаться от ребенка и вернуть его в детский дом, потому что существование вместе с ним было невозможно.

– Ну а если бы семье оказывали грамотную консультативную помощь, ребенок смог бы адаптироваться?

– Трудно сказать. Степень девиации личности порой бывает столь серьезна, что это непоправимо. Похоже, что в данном случае так оно и есть. Причем в детском доме мальчик опять-таки ведет себя неплохо, он хорошо учится. А в семье прижиться не смог.

– Неужели бывают дети, которым в детдоме лучше?

– Представьте себе, да. Это идет вразрез с общепринятыми представлениями, но такие случаи встречаются. А вот другой случай. Мама очень хотела иметь девочку. Она уже в возрасте, поэтому отказалась от процедуры усыновления и взяла попечительство. Ей не предоставили возможность выбрать ребенка, что совершенно неправильно. Нужно, чтобы возникла душевная тяга людей друг к другу. А тут вывели девочку и сказали: «Вот эта ваша». Девочка ей сразу не понравилась. Она была маленького роста, коренастая, личиком напоминала дауна. Ей было три года, она хорошо ходила и говорила. «Что делать? Так – значит, так», – решила женщина и начала навещать девочку в детдоме. Та смотрела букой, близко не подходила. «Это твоя мама», – сказали воспитатели. Девочка всё равно дичилась, но все-таки стала подходить поближе. Потом женщина взяла девочку домой, и тут-то всё и началось. Ей дарили игрушки – она их ломала. Покупали платьице – она его рвала. Если что-то ей не нравилось, она тут же мочилась и испражнялась на ковер, да еще всё это размазывала. Приходила в детский сад и говорила: «Мама – бяка, она меня бьет». Женщину начали обвинять в том, что она не умеет обращаться с детьми, и грозили отобрать ребенка. Потом девочка стала бить детей, ябедничая, будто они ее поколотили. Короче говоря, выяснилось, что девочка с очень большими странностями. Но прошло примерно полгода, и всё сгладилось. У нее даже личико изменилось. Она стала хорошенькой, миленькой, ей стали нравиться платьица и игрушки, она прекратила хулиганить. Да, порой она по-прежнему проявляет несдержанность и агрессивность, ведет себя, как мальчишка, однако отношения наладились. Это очень трогательная история, потому что женщина проявила бездонное терпение. У нее даже мысли не возникало отказаться от приемной дочки, она полюбила ее всем сердцем. И когда девочка впервые назвала ее мамой, расплакались все, кто при этом присутствовал. Настолько это было выстрадано! Так что бывают непредсказуемые ситуации. Казалось бы, с этой девочкой такой тяжелый случай, а она выправилась. Мальчик же был с виду вполне благополучный, красивый, разумный, а вел себя чудовищно, и семья, несмотря на огромный опыт воспитания своих детей, не сумела с ним поладить.

– Очень многих приемных родителей волнует вопрос, надо ли говорить ребенку, что он не родной. На подготовительных курсах их уверяют, что обязательно надо. Западные психологи тоже на этом настаивают. Каково ваше мнение на этот счет? Если ребенка берут в младенческом возрасте, то не возникнет ли у него серьезных психологических проблем? Он же не помнит других родителей, да и детского дома, как ребенок, которого усыновили лет в пять-шесть, не помнит. Он однозначно воспринимает маму и папу как родных.

– Вопрос очень серьезный. Его решение требует индивидуального подхода. Если есть возможность не раскрывать тайну усыновления, то, конечно, лучше ее не раскрывать. Но нередко правда все-таки выходит наружу, и, если она доходит до воспитанника в пубертатном возрасте, его реакция часто бывает очень резкой. Однако маленькому ребенку, конечно, говорить, что он неродной, не стоит. Он не в состоянии этого осмыслить. Что касается более взрослого возраста, то надо взвешивать все «за» и «против», учитывать характер ребенка. Ведь раскрытие этой печальной правды влечет за собой очень много проблем и тяжелых вопросов. Если уж ее раскрывать, то лучше тогда, когда человек будет способен осознать и положительно оценить, что сделали для него приемные родители, а не тогда, когда он еще незрел и может начать вымещать на них свою обиду на судьбу и предъявлять к ним претензии, чем, конечно, ранит их в самое сердце.

С Галиной Козловской беседовала Татьяна Шишова